

Алитет НЕМТУШКИН

1939—2006

Алитет (Альберт) Николаевич Немтушкин — первый профессиональный эвенкийский писатель, автор более 30 книг стихов и прозы на эвенкийском и русском языках. Первая книжка стихов вышла в 1960 году, когда автор был студентом четвёртого курса Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена. Его произведения переводились на языки народов союзных республик и стран

народной демократии. В 1992 году был удостоен Государственной премии Союза писателей России. В 2005 году на средства краевого Законодательного собрания изданы избранные произведения писателя. Принимал активное участие в творческой и общественной жизни страны. Избирался делегатом многих писательских съездов РСФСР и СССР. В 1985—1989 годах возглавлял Красноярское краевое отделение писательской организации.

МЕТКИ НА ОЛЕНЬЕМ УХЕ

Учуг вывезет...

Я был в командировке у оленоводов, в бригаде Петра Гаяльского. Вместе с ними ездил на осмотр стада. К вечеру в стойбище вернулись все пастухи, кроме одного молодого парня. Стемнело. Слышим — орёт. Я хотел было отозваться, но бригадир остановил меня:

— Не надо. Пусть учится понимать тайгу, а то никогда оленеводом не станет. Интернат его испортил, книги научился читать, а тайгу не понимает. Если не будет терзать учуга, тот его вывезет. Не зима, не замёрзнет...

Богатыри из рода Лапуко

Род Лапуко был когда-то самым могущественным в низовьях Катанги — Нижней Тунгуски. наших богатырей и силачей знала вся тайга. Перед тем как разъехаться на охоту до новой весны, эвенки, кочевавшие по Чисковой, Таймуре, Виви, Учами, Вакунайке собирались в одном месте, играли свадьбы, устраивали ёхорьё, разные соревнования.

Сначала натравливали друг на друга быков. А перед гоним у оленей уже играет кровь: как разойдутся — вся полянка бывала изрыта копытами, как плугом. Все кусты и деревья вырвут с корнями.

Потом устраивали борьбу. Ребятишки, парни, а потом, раззадорившись, схватывались мужики. Хэ, вот, говорят, зрелище бывало! Все старики и старухи вылезали из чумов поболеть.

Последними соревновались силачи. Между двумя деревьями натягивали маут, и мужчины, разбежавшись, должны были грудью порвать эту «ленточку». И рвали! Были у нас силачи. Про одного рассказывали, что он ловил маутом самого здорового быка, валил его наземь, руками зажимал его ноги и, забросив его на спину, как зайчонка, таскал по всему стойбищу. Никто, говорят, не мог повторить его номер. Во время соревнований заключали своего рода пари — на оленей, на собак, на ружья. И — отдавали. Честь тогда была превыше всего...

Дедушка, иди своей дорогой...

Медведя никогда не надо трогать, это же наш прародитель — зачем обижать?.. Сейчас мы ходим на охоту, на рыбалку с Гришей. Я ему постоянно втолковываю об этом, а то некоторые приезжие, как только увидят медведя, сразу хватаются за ружья, палить начинают, дурачки. Это же грех...

Я несколько раз встречался с амиканом. Встретимся, а я плохо вижу, начинаю разговаривать с ним на родном языке. Говорю: дедушка, я случайно здесь прохожу, тебя не трогаю, и ты иди своей дорогой. Я не знал, что это твоя тропа. Извини, я тебя не трону, и ты меня не трогай. Иди, пожалуйста, по своим делам... И, представь себе, бэе, он слушается, уходит. Он же полуэвенок.

Был у нас такой случай. Я тогда сторожил на буровой на Чисковой. Приехали к нам из Черногорска два молодых практиканта. Всё свободное от работы время они бродили по тайге, стреляли кого попало, браконьерничали. То невыходного соболя убьют, то голую белку. Ругали их — бесполезно. И вот однажды они наткнулись на медведицу с медвежатами. Мать фыркнула и убежала, а медвежата, как ребятишки, на дерево залезли. Ну, они их и расстреляли. Пришли на буровую радостные, говорят, увезём домой по шкуре.

Где-то дня через два-три, после смены, снова убежали в лес. И — не вернулись!.. Начальство подняло тревогу, всех людей отправили на поиски. Думали, заблудились. В тот же день их нашли. Обезглавленными. Они пошли туда же, где убили медвежат, а медведица скараулила их из-за коряги. Они даже выстрелить не успели. Видимо, она сразу смяла обоих, оторвала

им головы, оттащила в сторону и закопала в мох... Э, бэе, с медведем шутки плохи: будешь болтать о нём, обижать, услышит и обязательно отомстит. Эвенки его зазря не трогают. Грех...

Убедила

У оленевода Кумонды Ивановича Тасачи наконец-то родился сын. На радостях он купил бутылку спирта и пришёл к другу:

— Давай обмоем будущего оленёнка!..

После выписки из больницы жены они пришли в сельсовет записать сына.

— Как назвали? — поинтересовалась секретарь совета, молодая белокурая девушка.

— Амарча! — заулыбался Кумонда Иванович.

— Да вы что, Кумонда Иванович, шутите? Это же не человеческое имя...

— Нет, это наше, эвенкийское...

— Ну какое же эвенкийское? Оно же как кличка! — стояла на своём девушка.

Тасачи растерялся, а потом пришёл в себя:

— Это наше, имя моего отца. Он тоже опаздывал появиться на этот свет, вот его и назвали Амарча. Я тоже долго ждал сына, одни девчонки рождались, и наконец-то он появился. Значит, Амарча.

— Может быть, и так, Кумонда Иванович, как вы рассказываете, но то всё старое, отжившее, а вы-то совсем другой человек. Вы член партии, передовик производства, бригадир! Зачем же за старину держаться? Вам же дали отчество Иванович, разве плохое? Пусть ваш сын будет Иваном... Ну, как запишем?

Кумонда Иванович машет рукой:

— Ладно, пиши Ванчо...

Шаманка из Эконды

В Эконде жила молодая шаманка. У неё не было ещё своего костюма, бубна, колотушки, не строила она и ритуального чума, но обряды и камлания проводила успешно. В посёлке шаманить опасалась, поэтому для этих церемоний выезжала в тайгу.

Чаще всего обращались с лечением больных. Она не отказывала. Камлания её заканчивались успешно, она «находила» выкраденную душу больного, плевком в рот водворяла её на место, и больной, к радости родственников, выздоравливал.

Однажды она забеременела. И тут приходит одна женщина и просит вылечить заболевшего сына. Отказать шаманка не могла.

Перед камланием она посадила рядом с собой мужа и каким-то образом освободилась от тяжести живота — на время камлания переложила свой плод в живот мужа. И стала шаманить, а муж сидел, тяжело дыша, пыхтя, с надутым животом.

Камлание затянулось. По словам шаманки, враждебные духи без жертвоприношения отказывались возвратить душу парня, и надо было продолжать этот обряд. Но тут неожиданно возмутился муж:

— Хватит на сегодня. Не видишь, еле дышу. Оставь на завтра!..

Шаманка молча легла на шкуру, закрыла глаза. Затем окунула мизинец правой руки в кружку с водой и трижды протёрла им правый глаз, затем левый и открыла их.

— Ох-хо-ха! — выдохнула.

Духи покинули её. Живот заметно стал подниматься. Она тяжело села.

Муж облегчённо вздохнул.

Чемпион по поеданию мяса

В роду Кордуй был один мужик. Не сказать о нём, что он был всех больше или здоровее, — нет, обычный. Правда, крижистый мужчина, но он был известен среди эвенков, кочевавших по речкам Виви, Учами, Таймуре и Вакунайке, как чемпион по поеданию оленьего мяса. Иногда устраивались и такие соревнования. Звали его Маича.

Ел он так. Ставили перед ним большой медный котёл с мясом. Он засучивал рукава, садился и широко раздвигал ноги. Одной рукой вытаскивал из котла оленью лопатку, впивался в неё зубами, а другой рукой чиркал ножом у самых губ, и, как говорится, пошло-поехало. Старики рассказывали: ел он с аппетитом, красиво. Смачно чавкал, облизывал жирные пальцы, не торопясь, обсасывал рёбра, хрящи. У всех текли слюнки, собаки повизгивали от зависти. В котле уменьшалось мясо, а сам он всё выпрямлялся и выпрямлялся, а пузо всё росло, надувалось.

Маича расправлялся с одним котлом, ему ставили другой. Он вытирал жирные руки, рот волосами своей жены, чтобы ничего не скользило, и опять принимался за работу. Бывало, бедняга еле дышит, глаза на лоб лезут, сыто икает, а сам всё ест и ест. Опрокидывался на спину, а всё пихал и пихал. Тут

уж противно смотреть на него было, но половину быка уничтожил! Удивлялись: куда только вмещалось? Потом сутки храпел... Это был отец Апкирик-Марии Кордуй.

В таймырской тундре живёт и работает оленеводом мой друг, нганасанский художник Мятемяку Турдагин.

— Художник от Бога,— говорит о нём народный художник России, знаток Севера В. И. Мешков, когда-то учивший Мятемяку азам мастерства.— Оленя он может начать рисовать с копыт, с рогов, с любой точки и, не отрывая руки, закончить. И олень получится таким, каким задуман. Очень своеобразный художник, мир видит по-своему.

Могу добавить, что и разговаривать с Мятемяку очень интересно. Всесокрушительная цивилизация не коснулась его. Он остался человеком тундры, бесхитростным, наивным большим ребёнком, тем, кого революционеры-большевики считали первобытным человеком и этот «недостаток» пытались ликвидировать.

После общения с Мятемяку Турдагиным я записал несколько его рассказов и сейчас предлагаю вниманию читателей.

От русской еды в тундре слабость в теле...

У Мятемяку Турдагина, даже по нашим северным меркам,— очень большая семья: одиннадцать или двенадцать детей, он с женой, да ещё старики.

— Мы садимся за стол и сразу, согудаем, то есть строганиной, съедаем несколько чиров, потом жена подаёт большую жаровню мяса, и выпиваем четыре чайника. Олень средних размеров хватает на день, а быка — на полтора дня, так что охотиться надо каждый день... А русская еда в тундре не годится, от неё только слабость в теле... Я учился в Красноярске в училище и знаю русскую еду — всё время полуголодный ходил. Мало мяса... Один раз шёл по улице, смотрю, люди покупают и едят какие-то фрукты. Говорят, бананы. Дай, думаю, попробую. Купил, содрал одежду, откусил — тьфу! мыло!.. Потом, чтобы никто не видел, выкинул их... И знаешь, передалось моим ребятишкам, не нравятся им фрукты. Я тогда привёз им эти, такие полосатые, тяжёлые фрукты, как их, э-э, арбузы. Мои будущие оленеводы закричали: «Футбол! Футбол папа привёз!» Один даже пнул, но тут же запрыгал на одной ноге от боли, самый хулиганистый, чёрт. Разрезали один и ломоть подали

самому младшему. Остальные уставились на него, ждут, что скажет. Тот откусил, попалась косточка, закашлялся, аж слёзы выступили, выплюнул — вода, говорит, — и бросил. Остальные даже пробовать не стали, давай, говорят, мясо и рыбу... А от русской еды, точно, только слабость в теле. Пузо набьёшь, а будто не ел...

Таймени, как брёвна

После Байкита, где прошло моё детство, отца направили на работу ещё дальше на север, на Таймыр. Попали мы в Волочанку. А там в основном жили долгане и нганасане. По-русски плохо ещё разговаривали.

Приходит к нам долганин Атакей и говорит моей матери:
— Отдай деньги!

Не дай, не займи, а именно отдай, говорит. Мать дала.

Прошло какое-то время, и мать говорит соседке:

— Отдала Атакею денег, а он, похоже, возвращать не собирается.

А соседка смеётся:

— И не вернёт! Деньги будут — он их пропьёт. Считай, деньги ты ему подарила. А вот отдарок он обязательно сделает, насчёт этого они молодцы.

Прошло ещё какое-то время, и как-то утром выходим из дома, а около крыльца, как поленица, сложены чиры, таймени. Таймени здоровущие, как брёвна. Жирные были, как поросята.

Атакей на оленях привёз отдарок.

Отцовская педагогика

Мятемяку рассказывал:

— Однажды к моему деду приехал в гости его давнишний друг — обветренный и просолённый ветрами и солнцем старик. Про него рассказывали, что он был удачливым охотником, кормильцем всего рода. Но, видимо, он когда-то то ли прикрикнул на меня, то ли отругал, то ли ещё что, и, видно, за дело — в детстве я рос хулиганистым парнем, — короче, я имел на него зуб. Старик слез с санок, за них же привязал оленей и зашёл в чум к моему деду. Начали они гонять чай. Я покрутился возле санок и увидел завёрнутую ручную пилу. Недолго думая, залез под санки и подпилил копылья, а потом, словно ничего не было, пилу положил обратно, а сам побежал играть.

Где-то через час или два старики кончили разговоры и вышли на воздух. Гость сел в свои санки и тронул оленей. Те резво рванули — они же не умеют пешком ходить. На повороте санки раскатились, и вдруг послышался треск — смотрим, старик оказался в снегу, а олени с одними полозьями убежали вперёд. Послышались удивлённые возгласы: что случилось? Старик недоуменно сидит в снегу. Отец и дед поймали оленей, осмотрели санки. Что-то поговорили, но шума поднимать не стали.

Я подумал: пронесло! — и обрадованно продолжил свои игры. И забыл этот дневной случай. Вечером прибежал домой, сбросил парку, надетую на голое тело, и пристроился к костру греть своё пузо. А оно у меня тёмно-коричневое, блестело от огня — взрослые часто шутили: мол, что это как солнце блестит, аж жмуриться приходится? Стою, чешусь. Вдруг отец молча схватил меня за космы, пригнул вниз и давай охаживать ремнём по заднице. Я сразу вспомнил, заорал погромче, чтобы мать заступилась, а отец приговаривал: «Это тебе за санки, за твоё хулиганство! Я шкуру с тебя драть буду, запомни!»

Скажу теперь откровенно — дошло! Слова на меня не действовали, а ремень доходил. И отец это понимал. У меня тоже вон сколько ухарей растёт, и кое-кого воспитываю по-отцовски. Доходит!..

Два чудища

Из тундры, после осмотра стада, вернулись встревоженные пастухи. Беда, говорят, около оленей появились два каких-то невиданных чудища — страх Божий! Два больших тёмных огнедышащих существа, похожих на медведей, но не медведи.

Мятемяку Турдагин — он тогда был бригадиром — поехал сам взглянуть на эти чудища. Точно в указанном месте из распадка на холмик выкатились две тёмных больших копны и застыли. В бинокль было видно, что они разъярены, чем-то очень недовольны: из ноздрей, как факелы, вылетали белые морозные полосы. Чудища угрожающе копытили снег, видно было, как завихрялся снег.

Мятемяку догадался — слышал о них: на его пастбище появились новые обитатели тундры — овцебыки.

Овцебыки облюбовали тот распадок и кочевать, видимо, никуда не собирались, несколько дней кормились на одном месте. Ягеля там хватало. Чуткие, оказывается. Как только вдалеке появится опасность — человек ли, олень ли, — они тут

же выкатывались на возвышенность и становились в угрожающие позы. Но никто нападать на них не собирался, наоборот, у людей появилась боязнь: не будут ли кидаться эти чудища, если вдруг невзначай окажешься рядом с ними? Пастухи знают повадки и норы всех обитателей тундры, с которыми веками живут рядом, а эти-то, пришельцы, как себя поведут? Не придётся ли от них отстреливаться?

Со временем успокоились. И люди, и новосёлы тундры. Пастухи решили, что овцебыки — свой, мирный народ, только без дела не пересекай их дорогу. Живите все на здоровье, в тундре всем места хватит.

В спальном мешке всегда темно

В Волочанке открыли видеосалон. Новое кино, говорят. Пришли посмотреть и пастухи-нганасане. Покачиваясь, как пингвины, они прошли в зал, расселись в своих белых парках, бисерных унтах, нарядные, экзотичные. Кино для них — праздник. У некоторых обморожены щёки, все стараются поменьше и потише кашлять. Но вот свет потух, и на экране замелькали первые кадры — и, как нарочно, сразу же голые девки, парни.

— О Господи, что это? Ладно ли глаза мои видят? — зашумел по-своему пожилой пастух. — Грех! Киношник хулиганит!..

Старик закрыл рукавицей глаза. За ним последовали все нганасане — втянули головы в меховые воротники, отвернулись, загадели. Приоткроют глаза и снова зажмуриваются, так как с экрана не исчезали целующиеся, обнимающиеся голые люди. Тут уж завозмущались женщины:

— Что за хулиганство?! Содрали такие бешеные деньги, а сами показывают ерунду.

На тундровиков зашумела поселковая молодёжь: мол, не умеете достойно вести себя в общественных местах, не даёте смотреть интересный фильм. Шум получился. Нганасане поднялись, задвигали стульями, ругаясь и плюясь, удалились из видеосалона.

— Эх, матушка-тундра! И это на семидесятом году советской власти! — сказал кто-то весело им вслед.

Раздался дружный смех. Через минуту снова замелькали на экране знакомые фигуры, и зал в истоме затих. Им, молодым, не верящим ни в Бога, ни в чёрта, не дано понять, что для нганасан видеть голое женское тело — великий грех. В спальном мешке всегда темно...